

Естественно, данные примеры не раскрывают всей полноты значения онтологических категорий времени и пространства в формировании аксиологических оценочных категорий и тем самым в формировании аксиологической стороны языковой картины мира. Однако настоящее исследование, как представляется, показывает роль концептов онтологических форм бытия как неотъемлемых факторов формирования оценочных высказываний, их филогенетического развития, закрепления в сознании и в языковом узусе как онтогенетических ценностных отношений с последующим использованием их в сознании и речи для решения как непосредственных задач ситуативной коммуникации, так и, по большому счету, для определения ценности индивидуального и социального бытия.

#### **Литература**

- 1 Анисимов С. Ф. Введение в аксиологию. Учеб. пособие для изучающих философию — М., 2001.
- 2 Лоренц К. По ту сторону зеркала. Исследование естественной истории человеческого познания // Эволюция. Язык. Познание — М., 2000 — С. 42–69.
- 3 Пупынина Е. В. Механизм формирования концепта «пространство» синонимичными существительными абстрактной семантики. Автореф. дис. канд. филол. наук — Белгород, 2004.
- 4 Степанов Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Изд. 2-е, испр. и доп. — М., 2001.

#### **Иллюстративная литература**

- 1 Grisham J. The Partner — Reading Arrow Books, 1997.
- 2 Hailey A. Airport — М., 1981.
- 3 Hašek J. Osudy dobrého vojáka Švejka za světové války — Praha, 1998.
- 4 Shaw I. (RMPM) Rich Man, Poor Man — L., 1985.
- 5 Shaw I. (TH) The Top of the Hill — L., 1988.
- 6 Успенский В. Д. Неизвестные солдаты. Роман — М., 1962.
- 7 Франко І. Вибрані твори — Харків, 2003.
- 8 Шукшин В. М. Любавиных. — М., 1988.

### **КОНЦЕПТЫ ЖИЗНЬ И СМЕРТЬ КАК ОТРАЖЕНИЕ ВЫСШИХ ЦЕННОСТЕЙ В ЯЗЫКЕ И РЕЧИ**

**И.В. Чекулай  
О.Н. Прохорова  
Белгород**

Любой философский подход к определению категорий ценности прямо или косвенно затрагивает такой, несомненно, важнейший аспект определения человека как категории бытия, как жизнь. Даже тогда, когда рассмотрению подвергается объективная сторона бытия, когда материальный мир рассматривается как отдельный от человека и не зависящий от него, в основе лежит фоновый контекст жизни определенного индивида и общества.

Следует сказать, что именно по этой причине происходит постоянная подмена общечеловеческой ценности ЖИЗНЬ индивидуально и корпоратив-

но обусловленными оценками, претендующими на статус абсолютов. Это находит отражение, прежде всего, в том, что часто в политических и экономических программах государств и влиятельных организаций концепт ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ как составная и неотъемлемая часть жизни индивида метонимически переносится на место сугубо ценностного концепта ЖИЗНЬ.

Можно привести простой пример. Практически каждая политическая партия апеллирует к тому, что она является единственной силой, которая планирует делать реальные шаги в направлении улучшения жизни того социума, в котором она функционирует. При этом происходит конвенциональная подмена концептов ЖИЗНЬ и ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ. Она выражается в существовании таких словосочетаний, как «материальная/политическая жизнь общества», «экономическая жизнь страны» и им подобных. В то же время философская сущность жизни, ее ценностные характеристики и поиск реальных средств ее улучшения как комплекса бытийных характеристик отдельного индивида остается уделом философов, биологов, психологов, религиоведов, теологической философии и прочих отраслей знания, ориентированных на изучение человека как особой мыслящей формы материи и одновременно с этим деятельностью силы, способной внести определенные изменения в природу, общество и познание. Представляется, что в узких интересах собственной личности и партийных интересов как мировоззренческой основы целей достижения ценностных результатов индивидуального уровня большинство «знаковых» фигур современной политики сознательно или несознательно производят подмену ценностей оценками.

Тем самым комплексное исследование жизни в целом остается пока на созерцательно-философском уровне. Следует отметить, что наиболее обширные исследования жизни как объекта философского познания проводились представителями научных философских парадигм богословия в пределах различных вероисповеданий. В результате практически все постулаты религиозного мировоззрения сводятся к мысли о том, что концепт ЖИЗНЬ как ценность бытия следует рассматривать в конгломерате со СМЕРТЬЮ как реверсом медали, аверсом которой является ЖИЗНЬ. Кроме того, смерть, как известно, в качестве периода существования рассматривается как продолжение жизни души индивида после его физической смерти как определенного важного и обязательного этапа во всей онтологии существования человека как создания Божия независимо от того, в какой форме – теле, душе или духе, или же совместном существовании форм – это бытие продолжается.

Настоящее исследование не претендует на попытку установления сущности человеческого бытия. Его задача состоит в том, чтобы выявить основные моменты категоризации жизни и смерти как ценностей человеческого бытия с последующим отражением категориального статуса этих концептов в единицах языка и речи.

Прежде всего, следует отметить, что в когнитивном плане эти концепты неразделимы. Как день познается через смену его ночью, так и жизнь познается через ее прекращение в форме смерти. Следовательно, как концепты, как данности познания ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ обладают равным статусом. Сле-

дует предположить, что они, как и ценности, обладают равным статусом. Это, естественно, опровергается обыденным здравым смыслом. В то же время существуют экстремальные ситуации, когда человек добровольно прекращает свое существование или, по крайней мере, желает его прекращения. Даже если исключить желание эвтаназии безнадежно больного и страдающего человека, желающего прекратить свои мучения, или случаи глубокого эмоционального и духовного дисбаланса, вызванного, обратно-таки, каким-то отклонением в определенном деятельностном аспекте жизни человека, когда он не видит дальнейшей перспективы собственной жизни (например, потеря любимого человека, крушение семьи, фиаско карьеры, которая представлялась как высшая цель в жизни), следует отметить, что человек в здравом уме и даже верящий в то, что самоубийство является смертным грехом, взрывая себя гранатой в окружении врагов, не заслуживает ни духовного, ни индивидуального порицания. ЖИЗНЬ при определенных обстоятельствах перестает рассматриваться как БЛАГО, и СМЕРТЬ видится как единственно возможный исход из создавшегося положения.

Эти случаи показывают, что оценка здравым смыслом жизни как единственной бытийной ценности является далеко не однозначной. В этой связи обращает на себя внимание следующее высказывание известного отечественного аксиолога С.Ф.Анисимова: «Понятие ценности выражает не только и даже не столько сам факт возникновения ценностного отношения (хотя и это тоже), сколько определенное качество этого отношения, и именно положительное качество, которое и фиксируется в сознании в виде представления, понятия, суждения, чувства об этом качестве – оценки... Оценка как мысль о значении может быть положительной или отрицательной, ценность же – только положительной» (Анисимов 2001: 67). Означает ли это, что смерть является такой же ценностью, как и жизнь, поскольку смерть также может трактоваться при определенных обстоятельствах как положительная категория?

В современных теософских воззрениях этот вопрос получает принципиально однозначное, хотя и специфическое в определенной религиозно-мировоззренческой парадигме, решение. В этих случаях понятия жизни и смерти имеют прямой выход на аксиологические категории ДОБРА и ЗЛА.

Например, в исламе ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ рассматриваются как дар Аллаха, не зависящий от человека. Понятия же ДОБРА и ЗЛА рассматриваются как несущественные для человека, поскольку Аллах сам является абсолютным ДОБРОМ. Как отмечают В.Панова и Ю.Вахтин, с исламской точки зрения «можно сказать, что Бог добр и милосерден только потому, что захотел быть именно таким, или потому, что только он один и есть единственное Добро и единственное Милосердие в мире» (Панова, Вахтин 1990. 144). Таким образом, в исламе жизнь и смерть рассматриваются как равноправные сущности, но они не отождествляются с Добром, а являются следствием из абсолютного Добра.

В принципе, христианская трактовка жизни и смерти во многом совпадает с исламской, однако если в исламе признается независимость их качест-

венной характеристики от воли человека, то в христианской теософии это качество во многом зависит от самого человека. Например, в святоотеческой форме православной теософии существует, хотя и имплицитно, положение о том, что многое в спасении души человека зависит от его собственной воли, хотя воля Божья является, несомненно, доминирующей. Так, преподобный Максим Исповедник полагает, что "вся цель заповедей Спасителя та, чтобы освободить ум от невождания (разрядка авторов – И.Ч., О.П.) и ненависти и возвести его в любовь к Нему и ближнему, от которой рождается свет святого деятельного ведения" (Христианская ... 1991: 94). Такое освобождение ума возможно только в результате волевого усилия, а эмоция любви к Богу и ближнему является производной из такого усилия. Тем самым признается, что от самого человека зависит качество его загробной жизни, а именно от того, как он проживет Жизнь в ее общепринятом понимании, хотя и жизнь, и смерть дарованы человеку Богом. При этом жизнь в христианском теософическом видении рассматривается не как единственный ценностный абсолют Жизнь, а как всего лишь стадия в общем существовании человека, причем даже не первая. В Православной трактовке бытия человека считается, что оно состоит из трех основных частей. В первой части, от момента зачатия до момента рождения, телесная форма существования является не только доминирующей, но и основной формой борьбы за дальнейшее существование после промежуточной «смерти», когда плод перестает быть плодом и становится человеком. Вторая часть является конгломератом тела, души и духа, и ее основным содержанием является борьба за спасение души посредством положительного духовного содержания. Тело рассматривается как материальная оболочка, как форма воплощения души и духа. Оно неизбежно должно прекратить свое полноценное функционирование уже на этой стадии, но то, как мы распоряжаемся своим телом, своим умом как функцией души, воплощенной в теле, определяет качество третьего жизненного этапа – загробной жизни. При такой трактовке смерть плода и смерть тела рассматриваются как необходимые условия, определенные Богом, и, следовательно, как ценности человеческого бытия.

Интересно, что при этом можно сказать, смерть смерти рознь. Признавая смерть телесных форм как благо, необходимо не забывать, что неправильная духовная жизнь на втором этапе ведет к духовной смерти после смерти физической, где под смертью, в зависимости от особенностей конфессиональной трактовки, понимается либо прекращение любой формы бытия (например, в трактовке секты «Свидетели Иеговы»), либо вечная мука как наказание за грехи, совершенные во время пребывания в телесной форме бытия (православная и католическая трактовки). В известном Православном пасхальном песнопении «Христос воскрес из мертвых, смертию смерть поправ и сущим во гробех живот даровав» подчеркивается именно тот момент, что Спаситель Своей *физической* смертью не только преодолел Собственную смерть *духовную*, но и дал следующим за Ним возможность к такому спасению.

Именно с этих позиций следует понимать, например, и такие слова из Евангелия от Иоанна, когда Христос говорит: «И как Моисей вознес змею в

пустыне, так должно вознесу (распяту – И.Ч.) быть Сыну Человеческому, дабы всякий верующий в Него *не погиб, но имел жизнь вечную*» (курсив наш – И.Ч., О.П.) (От Иоанна: Гл. 3, Ст. 14, 15), где под гибелью следует понимать смерть не телесную, а духовную.

Таким образом, смерть становится неременным условием продолжения жизни на определенном этапе комплексного бытия человека как индивида и тем самым приобретает равноправный статус ценности в религиозно-философском понимании концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ.

При атеистическом понимании этих концептов происходит смещение ценностных акцентов. Единственно положительной ценностью становится ЖИЗНЬ, а СМЕРТЬ приобретает статус антиценности и актуализируется только в связи с прекращением жизни как ценности. Примечательно, что в этом случае рассмотрение ЖИЗНИ как борьбы не снимается (возьмем, например, известную максиму из романа «Как закалялась сталь»), однако жизнь имеет смысл в качестве борьбы лишь при наличии определенной идеи, определенной цели в этой жизни. Трактовка жизни как простого физического бытия исключает борьбу как ценность в преодолении определенных жизненных препятствий. На наш взгляд, именно это различие порождает следующие важные аксиологические формулировки: «Хорошая жизнь – это жизнь, полная преодоления трудностей» и «Хорошая жизнь – это жизнь, в которой встречается как можно меньшее количество трудных обстоятельств».

Такая двойственность качественного определения жизни порождает следующий вопрос: исходя из философского определения ценности и оценки, являются ли данные трактовки ценностными или оценочными? Тем самым, признавая жизнь как философскую ценность, имеем ли мы право наделять лексемы-субстантивы, передающие в языке концепт ЖИЗНЬ, определениями «хороший» и «плохой»? Примечательно, что то же самое относится и к концепту СМЕРТЬ.

С целью поиска адекватных ответов на эти вопросы рассмотрим сначала особенности речевой оценки, связанной с ценностным статусом жизни и смерти. Прежде всего, следует отметить, что в речевых актуализациях такие аксиологические (поскольку пока не выяснено, являются ли они ценностными или оценочными) трактовки жизни существуют в своего рода двух измерениях. С одной стороны, существует явно ценностная трактовка «жизнь хороша», где жизнь понимается как абсолютная внеситуативная ценность. Однако, с другой стороны, такая трактовка постоянно модифицируется ее аксиологическими спецификациями, например:

Хорошо, что даже плохо жить на свете хорошо.

«ТРУС: Жить, как говорится, хорошо!

БАЛБЕС: А хорошо жить – еще лучше!» (х/ф «Кавказская пленница»)

Второй случай достаточно прост с точки зрения лингвоаксиологии, в которой выработано понятие основания оценки. Высказывания Труса и Балбеса строятся просто на разных основаниях: высказывание Труса ориентировано на гедонистические основания оценки, а Балбеса – на утилитарные основания (Арутюнова 1988: 75; Арутюнова 1999: 198). Первый случай, несомненно, менее однозначен, поскольку это высказывание функционально

образовано именно как ценностный парадокс. Его можно интерпретировать следующим образом: жизнь является положительной ценностью независимо от ее качественного протекания, и уже сам факт жизни следует считать положительным как с точки зрения автора высказывания, так и с общечеловеческой точки зрения. Однако парадокс данного высказывания состоит не только в его лексическом наполнении, но и в структуре оценочного высказывания, поскольку часть *de-dicto* формирует оценочное высказывание, а часть *de-re* – ценностное отношение, выраженное языковыми средствами. Однако осложнение придаточного, выражающего отношение *de-re*, обстоятельством уступки переводит его в статус оценочного высказывания, причем субъект оценки в обеих частях сложного предложения кореферентен.

Следует отметить тот случай, который выражается в английском языке достаточно устойчивым высказыванием *Life stinks*. В принципе, это явление универсальное. В любом языке отмечаются довольно многочисленные узусальные высказывания, характеризующие жизнь как своего рода антиценность. Разочарование в жизни в целом или в отдельных моментах индивидуального бытия позволяет подходить к характеристике жизни как девальвированной ценности («Судьба – злодейка, а жизнь – копейка»), неэстетического зрелища («Х страшен/-на/-но, как моя жизнь! »).

Следует отметить еще и такой момент ценностной характеристики концепта ЖИЗНЬ, отличающий его от концепта СМЕРТЬ. Если «жизнь» может противопоставляться «существованию» как инертному или пассивному способу организации жизни, то смерть такого противопоставления не предполагает. Таким образом, концепт ЖИЗНЬ предполагает в качестве одной из своих основных характеристик семантику активности, деятельности, умения выстоять в сложных жизненных ситуациях, в то время как СУЩЕСТВОВАНИЕ является антиподом концепта ЖИЗНЬ. Достаточно часто такой контраст проявляется в языке и речи:

He viewed with swift horror the pit into which he had tumbled, the degraded days, unworthy desires, dead hopes, wrecked faculties and base motives that made up his existence (O. Henry 1995: 37).

Следует отметить еще одну важную характеристику концепта ЖИЗНЬ, которую можно назвать метакогнитивной. Это опыт, который человек приобретает в ходе своей жизнедеятельности. Как известно, опыт может быть положительным и отрицательным, истинным или ложным, но, тем не менее, он является непосредственным спутником человека на протяжении всей его жизни, средством его ориентации во взаимоотношениях с природой, обществом и миром собственных ощущений. Он заключается в совокупности познания новых ощущений и переживания старых, в систематизации полученных знаний для того, чтобы делать выводы для планирования дальнейшей жизнедеятельности. Опыт, в свою очередь, имеет характеристику, которую можно назвать его «глубиной». В речи очень часто происходит метонимизация опыта выражением его через слово «жизнь». Например, когда Ипполит Матвеевич Воробьянинов поражается тому, что Остап Бендер совершает жертву «на всю жизнь» женитьбой на мадам Грицацуевой, Бендер в довольно саркастической форме определяет свое понимание жизни:

« — Жизнь! — сказал Остап. — Жертва! Что вы знаете о жизни и о жертве? Вы думаете, что, если вас выселили из особняка, вы знаете жизнь? И если у вас реквизировали поддельную китайскую вазу, то это жертва? Жизнь, господа присяжные заседатели, это сложная штука, но, господа присяжные заседатели, эта сложная штука открывается просто, как ящик» (Ильф, Петров 2003: 83).

Таким образом, концепт ЖИЗНЬ определяется через концепты ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ и ОПЫТ, но не сводится к ним, поскольку имеет дополнительно аксиологическое содержание. Тем самым когнитивный статус этого концепта достаточно сложен. С одной стороны, ЖИЗНЬ рассматривается как общечеловеческая ценность вне зависимости от ее непосредственного характера. С другой стороны, этот концепт формируется через категоризацию деятельности и опыта отдельных индивидов и тем самым отражается в структурах знания как денотативный, неаксиологический концепт. Но он включает в себе и третью сторону, а именно ту, что он одновременно является и ценностным эквивалентом содержательного индивидуального бытия, и в то же время тем когнитивным фоном, на котором формируются различные оценочные суждения, касающиеся отдельных сторон жизнедеятельности отдельных индивидов или социума. Это означает, что данный концепт обладает сложным аксиологическим характером, представляя собой одновременно и ценность, и эквивалент оценки, и фон оценки. Поэтому характеристика явлений действительности, отношений между людьми, самооценка через лексемы, передающие концепт ЖИЗНЬ, в определенной мере являются конвенциональными, метонимическими. Они носят ситуативный характер и в то же время опираются на внеситуативную ценность.

Следует также отметить, что концепт ЖИЗНЬ соотносится с концептом СМЕРТЬ, хотя не является его аксиологическим антиподом. Очевидно, что релевантное понимание концепта СМЕРТЬ должно быть определено как «итог ЖИЗНИ». Их концептуальное равноправие подтверждается еще и тем, что определения, которыми наделяются имена существительные, передающие концепт СМЕРТЬ, также носят ситуативную обусловленность. Существенным отличием данных концептов является гораздо меньший семантический объем концепта СМЕРТЬ; его статус как отрицания ЖИЗНИ приводит к тому, что языковые единицы, входящие в домен СМЕРТИ, выражают оценки лишь в связи с прекращением жизни актанта оценочной предикации. Это, однако, не означает, что СМЕРТЬ имеет недостаточный или подчиненный ценностный статус по отношению к концепту ЖИЗНЬ. Речевые оценки в связи со смертью не обязательно имеют отрицательный характер, о чем свидетельствует, например, следующее высказывание:

Yet, he thought, if I can die saying, 'Life is beautiful,' then nothing else is important (Puzo 1992: 414).

Однако такой равноправный аксиологический статус данные концепты имеют лишь в связи с выражением ценности. В оценочном плане лексемы, относящиеся к домену СМЕРТЬ, могут выражать только отрицательную оценку. Об этом свидетельствуют, например, композиционно-семантические особенности английских прилагательных *vital* и *mortal*. В определенных со-

четаниях с существительными эти прилагательные нейтрализуют свои различия (например, *vital wound* = *mortal wound*, *vital mistake* = *mortal mistake*) (Чекулай 1992: 116). Однако нетрудно заметить, что такая нейтрализация возможна лишь в комбинаторике с существительными, представляющимися в парадигматическом значении как отрицательно-оценочные, в то время как для нейтральных или положительных в своих оценочных характеристиках существительных такая сочетаемость невозможна. В то же время в данных сочетаниях наблюдается еще одна общая характеристика концептов ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ. Прилагательные *vital* и *mortal* являются синонимами к прилагательному *important*, и это свидетельствует о пересечении данных концептов с концептуальным полем ВАЖНОСТЬ. Действительно, для любого человека нет вещей важнее, нежели его жизнь и смерть.

Таким образом, концепты ЖИЗНЬ и СМЕРТЬ обладают особым лингвоаксиологическим статусом. Представляя собой фундаментальные общечеловеческие ценности, они в то же время являются когнитивной средой для порождения индивидуальных оценок. Таким образом, они представляют собой ценностные эквиваленты, сродни золотому запасу государства, который обеспечивает функциональные эквиваленты, представленные оценочными структурами знания, способными выражаться в форме единиц языка и речи.

#### Литература

- 1 Анисимов С Ф Введение в аксиологию Учеб пособие для изучающих философию – М, 2001
- 2 Арутюнова Н Д Типы языковых значений Оценка Событие Факт – М, 1988
- 3 Арутюнова Н Д Язык и мир человека – М, 1999
- 4 Панова В, Вахтин Ю Из «Жизни Мухаммеда» // Наука и жизнь – 1990 – № 8 – С 134–144
- 5 Христианская жизнь по Добротолубию – М, 1991
- 6 От Иоанна Святое благовествование // Новый Завет Господа нашего Иисуса Христа В русском переводе – СПб Синодальная типография, 1882 (Макет и художественное оформление ЗАО «Тираж-51», 1996) – 847 с
- 7 Чекулай И В нейтрализация семантических оппозиций прилагательных английского языка Дис канд филол наук – Киев, 1992
- 8 Ильф И, Петров Е Двенадцать стульев Золотой теленок Романы Записные книжки – М, 2003
- 9 O Henry 100 Selected Stories – Ware, Hertfordshire Wordsworth Editions Limited, 1995
- 10 Puzo M The Godfather – Beijing Foreign Literature Publishers, 1992

### НАПРАВЛЕННЫЙ АССОЦИАТИВНЫЙ ЭКСПЕРИМЕНТ КАК ОДИН ИЗ ПРИЕМОВ ИССЛЕДОВАНИЯ СОДЕРЖАНИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КАТЕГОРИИ

М.В. Шаманова  
Воронеж

Проблема коммуникативного сознания человека представляет интерес не только для психологии речи, онтолингвистики, этнолингвистики, но и для коммуникативной лингвистики, а также для методики обучения речи и общению.